

ЗАБЫТАЯ ЮНОСТЬ

или воспоминания
на последней парте

СЕРЖИЙ КАРМАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

→ 1А

Серж Карманов Забытая юность, или Воспоминания на последней парте

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34999274
SelfPub; 2022*

Аннотация

Страна живёт в двадцать первом веке и порой трудно вспомнить, чему ты радовался и о чём грустил в шестнадцать лет, во времена конца брежневской эпохи, в далёком, но нашем городе. Но можно попробовать, чтобы окончательно не забыть в потоке информации, льющейся сегодня из всемирной паутины, смарт экранов и блютуз колонок.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Воспоминание 1. Парта.

7

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Серж Карманов

Забытая юность, или Воспоминания на последней парте

Жизнь наша непонятна и сложна – поэтому живи проще, говори просто, пиши просто, без лишних слов паразитов, нудной тягомотины и словоблудия, надуманных психологических тестов и пережёвывания образов и пейзажей, так или иначе, уже пересказанных кем– то.

Совет моего друга, ему и посвящается.

Вместо вступления.

Страна живёт в двадцать первом веке. За окном моросит майский дождь, солнце, изредка появляясь из-за растрёпанных облаков, наполняет сад теплотой, сквозит лёгкий ветерок. Мы сидим с Костей на веранде, закутавшись в пледы, и не спеша наполняем желудок коньяком. В доме трещит камин, прогревая стены после зимних холодов, но там как то не сидится, даже Дельта перестала греться у камина, вышла на веранду, прислушалась к нашему разговору, посмотрела на Костю, он занял её кресло, но рычать не стала, а плюхнулась около моих ног.

Мы вспоминаем, какая была жизнь много лет назад, не было столько злобы и отчаяния, слышалась правильная русская речь, ещё был жив Советский Союз.

В Москве прошла Олимпиада, было довольно весело и необычно, но по большому счёту ничего не менялось, жизнь шла в привычном размеренном ритме, но пройдет совсем немного времени, умрёт чавкающий генсек и страну захлестнёт сплошной водоворот. Будут меняться правительства и названия городов, деньги превратятся в фантики, на которых будут рисовать и стирать нули, эквивалентом всех ценностей станет доллар, кто то стремительно разбогатеет, другие потеряют жильё. Нелепые экономисты будут учить жить, а математики строить денежные пирамиды, нефтяники и металлурги вытеснят с первых рядов торгашей, спекулянт – значит бизнесмен, шахтёр – неудачник, идеальная пара – бандит и фотомодель, даже настанет краткий период стабильности, но появится Киндер-сюрприз и страну накроет новая волна вороватых реформ, локальных войн и этнических конфликтов. В Москве начнут взрывать дома, в Литве возрождать фашизм, а Европа станет ближе и родней, чем Грузия и Украина, снова нависнет тень мракобесия и циничного безликого диктатора.

После такой мешанины понятий и ценностей, не так просто вспомнить как ты жил в шестнадцать лет, чему радовался и о чём грустил, но Костя помнит, его истории просты и забавны, что мне постоянно хочется их записать.

— Это элементарно, доктор! Ты неплохо печатаешь, вот и записывай ничего не меняя, времени полно, ребята ещё не скоро приедут. Почему бы не начать прямо сейчас! — восклицает Костя и начинает перемещать в комнату кресло и коньяк.

В кресло тут же усаживается Дельта, не обращая внимания на упрёки Кости, я устанавливаю по удобнее клавиатуру, а Константин вытягивается на диване.

Начинаются воспоминания.

Воспоминание 1. Парта.

Я любил сидеть на последней парте, здесь ты сам предоставлен себе, учителя не особо обращают на тебя внимание, думая, что на «камчатке» обычно сидят двоечники или прогульщики, лишь бы ты им не мешал. Я и сам не любил, когда тишину в классе нарушал звук падающего на чью-то голову учебника или нелепое замечание классного умника. Сидишь, как будто отгороженный невидимой стеной, мысли где-то далеко, временами возвращаешься в класс, записываешь задачу или химическую формулу, а потом снова уносишься в свой мир. Предметы мне давались легко, а если в задаче что-то не получалось, я списывал у отличницы или другой прилежной ученицы, причем особо не настаивал, но всегда получал тетрадь.

Вообще стоило мне усесть за свободную парту, поближе к первым рядам, как со мной обязательно садилась девочка.

Я не был красавчиком и ловеласом, просто разговаривал с ними как с равными, угощал апельсином или конфетами и не бросалдохлых крыс в портфель. Что я не любил, так это когда пробираясь сквозь заросли тропических джунглей или бороздя необъятные просторы океана, меня легонько толкали в бок, заставляя вернуться в этот серый мир и задавали idiotские вопросы, типа:

«Костик, у тебя есть точилка? – или:

«А какой следующий урок, ведь химичка заболела?»

Меня иногда тянуло к ним, например, хотелось потрогать упругую грудь или засунуть руку между ног, особенно если девочка приходила в чёрных чулках, но я слабо представлял, что делать дальше и поэтому продолжительных отношений не возникало.

К тому же я часто менял школы, мать переезжала из города в город, она была врач-вирусолог, закончила в Москве ординатуру и аспирантуру и Наверное была одним из лучших специалистов на Дальнем Востоке. Она с головой уходила в работу и останавливалась лишь тогда, когда результат был получен или проблема перестала её интересовать.

Помню, в восьмом классе, одна девочка, мы довольно часто с ней вместе сидели за партой, пригласила меня к себе в гости. Причём дала понять, что это не будет сборище одноклассников и друзей, где все поглощают торт, пьют украдкой от родителей вино, танцуют, толкаясь друг с другом, а потом, уходя, ищут ботинки в коридоре.

Решая задачку по физике, она сообщила, что родители уехали на дачу, у папы есть хороший коньяк, надо только вскрыть бар и некто Габович, дал ей послушать хорошие пластинки. Она мне нравилась, и предложение было столь заманчивым, что я тут же согласился, совершенно забыв, что вечером состоится футбольный матч с Никитским двором, это была довольно сильная команда в нашем районе, да и двор у них состоял из трех домов, а у нас из двух.

Дома, съев кусок курицы, я развалился на диване, воображая предстоящий вечер, мою идиллию разрушил звонок, открываю дверь – стоит Мухомор, веснушки сливаются с новой вратарской формой, в руках потёртый футбольный мяч.

Начинаю медленно соображать, что послушать «Queen» в интимной обстановке у меня не получится.

– Ты чего уставился, ...форму у Блохи реквизировал, он хоть и в девятом, но ему только в настольный играть!

Мухомор, высокий рыжий парень, учился в 8 «Б», остался на второй год из-за болезни, его часто дразнили, но уважали за благородство и огромную, неистребимую жизненную энергию, он никогда не ныл и не нудил, а заражал всех оптимизмом, когда многие были готовы сдать или отступить.

– Ты о чём думаешь, мы должны выиграть, пойдём, меня потренируешь, видел, как у них Костыль крученые лупит? Одевайся, ... у тебя запор что ли?

Что я мог ему сказать, двор для него и меня это святое, реальные друзья, почти все вечера проходят здесь и сейчас надо защитить честь двора, объединить все усилия для победы, потому что проиграть на своем поле это двойной позор.

Телефона у неё не было и я ещё слабо надеялся, что игра не состоится, но выйдя на улицу, по подтягивающейся шпане с соседних дворов, оживленно разговаривающим папашам, моих товарищей, понял – игра будет, серьёзная и долгая.

Матч действительно был упорным, никто не хотел уступить, бегали как «электроники», выплевывая лёгкие, жесто-

чѐнно спорили, даже зрители выбегали на поле, когда судья, майор запаса, с красноватым, от выпитого в перерыве пива, лицом, назначил ложный штрафной вблизи ворот, но всё решилось на последних минутах, когда я из последних сил пройдя по правому краю, сделал пас Лѐхе Киевскому и он не останавливая мяч, вогнал его в нижний левый угол.

Мы победили в нелегкой, жѐсткой борьбе, не обошлось и без небольшой драки, но закончилось всё мирно в тенистой беседке с пивом и победными криками.

Войдя на следующий день в класс, я увидел в её красивых, злых глазах слово «козѐл», молча прошел мимо и сел за последнюю парту.

Странные мысли овладели мной, я был горд победой, даже малознакомый десятиклассник, при входе в школу поздравился со мной. С другой стороны я чувствовал, как обидел её, но извиняться не стал, вряд ли она поймет меня, да и что это за причина для девчонки – футбольный матч, лишь ручка произвольно нацарапала на парте её имя.

Вскоре маму пригласили преподавать в мединституте, и мы переехали во Владивосток.

Воспоминание 2. Студент.

Я снова за последней партой, смотрю в окно, там солнечный, тёплый сентябрьский день, настроение прекрасное, тем более, когда вступительные экзамены сданы и я уже студент гидрометтехникума.

Нас в группе 24 человека, две девчонки остальные ребята,

на факультет океанологии не берут девчонок, но их взяли – одна круглая отличница, другая дочь генерала.

Наш классный руководитель утверждает, что это единственный техникум в Союзе, где есть такой факультет.

Точно не знаю, что стало решающим фактором моего выбора, не желание идти в девятый класс в новой школе или книги Жак Ив Кусто, но море меня тянуло всегда, тем более изучение его глубинных тайн, я взял документы и отнес в приёмную комиссию.

С мамой, конечно, посоветовался, но начиная с шестого класса почти все решения, я принимал сам, мать редко вмешивалась в мою жизнь, когда уж в дневнике появлялась третья запись о настоящем приходе родителей в школу, она интересовалась, что там происходит. В доме существовало три закона:

чистка зубов, зарядка и честно отвечать на вопросы. Мама многое прощала, но если она говорила – нет, переубедить её или разжалобить было бесполезно, помню, она поздно пришла со школьного собрания, на которое чуть ли не завучу пришлось её приглашать, позвала в комнату и задала два вопроса:

_Ты что печатал в школьной фотолаборатории порнографию?

_Полная чушь!

_...и распространял её в школе?

_...ну, если можно назвать распространением вывешива-

ние на спине одноклассников нечёткой фотографии женского тела.

На этом всё и закончилось, хотя завуч обещала меня выгнать из школы.

Я прошел медкомиссию и без особых усилий сдал все экзамены и когда прочел свою фамилию в списке поступивших, как то не особо обрадовался, скорее, понял, что наступает другая жизнь.

В нашей группе учились ребята с разных регионов Дальнего Востока: Магадан, Сахалин, Камчатка, Хабаровск, Комсомольск на Амуре, но всех условно можно разделить на две группы, тех, кто приехал учиться и кто сам не понял, как здесь очутился.

Те, кто учился – усаживались в первых рядах записывали лекции и тянули руки на семинарах.

Я как то попробовал сесть за первый ряд и испытал настоящий шок – все как роботы склоняются над тетрадь, приподнимаются и вновь склоняются. Мне же легче запомнить, не записывая, если это не формулы, а следуя за мыслью преподавателя представлять, о чём идет речь, но учитель смотрит прямо на тебя, как будто спрашивает – ты чего уставился, удобно развалиться и сосредоточится невозможно.

В общем, я попросился в туалет и больше на лекцию не вернулся. Бобёр потом часто использовал этот приём, особенно на уроках Толи-Бори.

Анатолий Борисович, учитель океанографии, делал по

журналу перекличку, громко кашлял и отправлялся через смежную с аудиторией дверь в свой кабинет, выпивал стаканчик домашнего вина и начинал рассказ о течениях Мирового океана.

Проходило полчаса, Бобер искусственно багровел, сжимая рот, хватался за живот и тянул руку, просясь в туалет, Толе – Боре очевидно было знакомо ощущение тяжести в животе и он всегда отпускал, Бобёр уже не возвращался, праздно шатался по коридорам или пропадал в спортзале.

Понятно, что такие экземпляры сидели на задних рядах. Тут обитали уникальные люди:

Гена Птицын, по прозвищу Филин, черноволосый паренёк с бледным лицом и римским профилем, никогда не расставался с гитарой, вытягивал из неё разнообразные звуки на перемене или по многочисленным просьбам исполнял какой-нибудь хит, типа «Smoke on the water» или свою любимую «Feelins». Но большую часть времени он спал, причем мог заснуть быстро, в самых разных позах и практически везде. Наши маршруты на занятия иногда совпадали, захожу утром в трамвай, смотрю на проходе стоит Гена, одной рукой держится за поручень, в другой гитара, пробираюсь поближе вижу – спит, кепка сползла на нос, глаза закрыты.

Кричу чуть ли не в ухо:

_ Гражданин! Ваш билет!

Гена открывает один глаз:

.. А это ты, привет, толкни, когда наша будет». И снова

погружается в спячку.

Андрей Анохин, с ним мы прошли огонь и воду, а познакомились сидя в последнем ряду на истории КПСС. Он пытался записывать основные постулаты работы Ленина «Два шага вперед, один назад», несмотря на похрапывания, Гены и оживленный рассказ Бобра про студентку-метеоролога с грудью как волейбольный мяч. Я небрежно заметил, что знаю, где достать конспекты хоть за весь год вперед, Андрей тут же отбросил ручку и посмотрел на меня:

— Только без шуток, ... не врешь?

Историк, пожилой армянин, Ашот Эдуардович, покачивая толстым, как сосиска пальцем, всех предупредил, что без конспектов никто зачет не сдаст, а тем более экзамен.

Я утвердительно кивнул, два дня назад я совершенно случайно познакомился с удивительной старшекурсницей, которая перевернула всё моё представление о второй половине человечества, но об этом позже.

Она то и сообщила, что подрабатывает на кафедре истории и если что надо – заходи.

Андрей закрыл тетрадь, сказав, что избавиться от такой мути – это просто сказка, блаженно развалился на парте, тем более, что Бобер приступил к финальной части своего рассказа, как он на ровном месте споткнулся, и руки его уткнулись в волейбольные мячи.

Саня Бобраков, настоящий приморский парень – веселый, неунывающий, шутки и незлобные издевательства так и сы-

пались из него, его заразительный беззаботный смех, казалось, слышался отовсюду, не прошло и трех месяцев, а у него уже везде приятели. Шестикласником он поехал в деревню к дедушке, а вернулся с рюкзачком полным анаши, что не помешало ему семь лет профессионально заниматься гандболом.

В столовой мы научились понимать друг друга без слов.

Большая перемена, толпы голодных студентов давятся в очереди, бесперебойно толкаясь и размахивая руками, отстаивая своё место. Вчера, после занятий, я забрёл в профком, кто-то сказал там можно получить билеты на французское кино, вместо билетов записали в кружок юного пожарника и дали талоны на питание. Достаю талоны и думаю, как и главное что на них можно съесть, подбегает Бобер.

_О.. талоны! Где взял? – и, не дожидаясь ответа, хватает их, размахивая подносом, сливается с очередью, через несколько минут появляется около кассы, смеётся, с кем -то здоровается и продвигается ко мне. На подносе аппетитно парят две двойные порции и пара компотов. Именно об этом я и мечтал, столовские супы даже лень нести.

_Ты бы хоть место занял!

Я обнаруживаю Анохина, тщательно пережёвывающего салат, и мы направляемся к нему.

_Ганс хочешь котлету? – благородно предлагает Бобёр, видя, как Андрей сиротливо поедает салат, но Ганс вежливо отказывается.

Эта кличка быстро прилипла к нему.

Обычно после обеда студенты собирались кучками во дворе техникума, курили и обсуждали местные новости и сплетни.

Я лежал на траве около аккуратно подстриженных акаций и дремал под осенним, приятным, свежим солнцем, Андрей присел рядом и открыл книгу.

По двору бегала дворняга, подбегала к ребятам негромко лаяла и виляла хвостом, выпрашивая пищу. Володя Золатарёв, плотный, кудрявый парень, сынок директора овощного, пнул её ногой, – дворняга заскулила и отбежала.

Андрей закрыл книгу, подошел и спросил, зачем он это сделал.

Золатарёв, ухмыляясь, ответил:

— А ты кто такой, чтобы мне указывать! Иди на...

Андрей резко, не размахиваясь, ударил и .... сломал ему челюсть.

Золатарёва увезла «скорая», а через несколько дней в группе состоялось комсомольское собрание. И недавно выбранный комсорг, Паша Дьячков, естественно по прозвищу Дьячок, правильный, идейный парень, который собирался стать членом партии и хотел построить коммунизм, если и не во всей стране, то хотя бы в отдельно взятой группе, в конце своей пламенной речи, сказал такие слова:

— Как это можно просто так, внезапно, ударить человека, словно классового врага! Это просто обыкновенный фа-

шизм! Гнать его надо из наших рядов!

Тут стали высказываться, что он не фашист, парень в принципе хороший, и обязательно исправится, а про собаку все как то и забыли.

В разгар дискуссии поднялся перевязанный Золатарёв и еле двигающимся ртом произнес, что претензий к Анохину не имеет.

Андрею вынесли выговор с занесением в какую-то карточку, Бобёр подшучивая назвал его пару раз «фрицем», а потом Гансом.

Группа собралась, в общем-то дружная. Участвовали в субботниках и спортивных соревнованиях, собирались у Аркаши Лисина, он жил неподалеку на набережной, отец его из двухкомнатной квартиры на первом этаже сделал двухэтажную, оборудовав в подвале, просторную, обитую вагонкой комнату, сам же по полгода пропадал в артели на Колыме, перетряхивая камни в золото.

Именно здесь, в уютной квартире, из ребят нашей группы, образовался ВИА, который позже стал играть на всех вечерах в техникуме, только Вася Лобов, слегка отмороженный ударник, магаданский паренёк с прищуренным взглядом вечно красноватых глаз естественно бредивший Яном Пейсом, с повязкой на голове, непрерывно жующий таблетки, учился на аэрологическом. В разгар вечеринки он установил в звуконепроницаемой комнате, приобретенные в каком-то дворце культуры тарелки и выдал под Лисинскую ба-

суху такое соло на барабанах, чем привел всех в неопиcуемый восторг.

Костя замолчал, налил коньяк, поежился и сказал:

— Как то дубовато, давай разомнем кости, подкинем дров!

На соснах ещё клочками висел утренний туман, но дождик перестал моросить, тучи потихоньку стали рассеиваться.

Костя подошёл к поленнице, вытащил несколько дров и спросил:

— А кто приедет? Будем баню топить?

— Ты многих не знаешь, я тебя познакомлю, ... баню затопим, когда начнут собираться, ещё часа три не меньше, — я тоже набрал дров, и мы зашли в дом.

Выложили дрова у камина, я подбросил пару поленьев и уселся за комп.

Костя закурил, Дельта глухо зарычала, она редко кому разрешала курить в комнате, Костя демонстративно затушил сигарету, глотнул коньячка и продолжил рассказ.

Воспоминание 3. Джинсы.

Владивосток, в начале восьмидесятых, времен конца застойного периода, представлял удивительную картину. Бежали городские и морские трамвайчики, по заливу ходил паром, перевоза машины и людей, в порту вообще никогда не затихала жизнь, трамвайчики прекращали ходить в час ночи, городские парки и набережные светились и особенно в выходные были полны народа, никому и в голову не приходило об отключениях электричества. Город расположенный

на широте Сочи, окружённый заливами, с разнообразными бухтами, островами и заповедными пляжами был уникален, не только неповторимой природой, но и людьми.

Зимой жизнь немного замирает, но снег лежит недолго, больше мучают ветра и дожди. Кратко это изложено в поговорке.

«Владивосток – город дождей, бляд... и бескозырок».

То есть портовый город с частым выпадением осадков и разгульной жизнью.

Летом в каждом парке играл ансамбль со своим репертуаром и поклонниками, в Большом, он находился вблизи набережной, около кинотеатра «Приморье», собиралась взрослая, солидная публика, гуляющие с набережной, местные снобы и богема.

В Морском или в малом, в основном гражданские и военные моряки, часто заглядывали студентки торговых вузов, здесь был веселый летний кинотеатр «Перекоп» с деревянными скамейками вместо кресел, где можно было пить пиво и курить, громко хохотать и комментировать эпизоды.

В городском или «Центральном» парке тусовалась молодежь. Это был большой парк с каруселями, тенистыми аллеями и огороженной сеткой просторной танцплощадкой.

Он находился рядом с техникумом и мы часто посещали его.

Вот и сейчас мы брели с Гансом по парку, лениво перебрасываясь словами и поглядывая на редких прохожих, сто-

ял майский полдень, позади почти год учёбы, впереди экзамены, все вокруг расцветало и пело, сидеть на занятиях со всем не хотелось.

Вдруг меня окликнул незнакомый парень в тёмных очках, присмотрелся получше – Аркаша Лисин. Одет он был как то странно: стёртая кожаная куртка, брезентовые расклешённые брюки и прошедшие пару марафонов, поношенные кеды.

В весь этот облик портового хулигана не вписывались круглые тёмные очки.

— С девчонками знакомишься? – присаживаясь, поинтересовался Ганс.

В ответ, Аркаша, молча, взял стоявшую неподалёку от скамейки сумку и протянул нам.

В сумке лежала пара стоптанных домашних тапочек.

Мы смотрели на этот странный набор, медленно понимая, что происходит.

Аркаша среди бела дня, как он выражался «обменивал» старенькие тапочки на новенькие кроссовки, в кроссовках он разбирался не хуже, чем в музыке и мог сразу отличить фирменный «Nike» и «Adidas» от подделки.

Он высматривал пацана, в хороших кроссовках, улыбаясь заводил с ним разговор, угощал сигареткой, а потом доставал «мойку», опасную бритву, и предлагал пройти к скамейке, где без рукоприкладства, лишь приговаривая о том, как жалко ему расставаться с любимой домашней реликви-

ей, вручал тапочки и забирал кроссовки.

Ганс начал было читать лекцию на тему:

«Что такое хорошо и что такое плохо», но Лис перебил его, сказав, что сам ненавидит воровство, но это совсем другое, это обмен товара на товар, бизнес одним словом.

— Я же не режу никого, ... да и «Fender» надо купить, после экзаменов будет вечер в техникуме, где мы будем первый раз играть, а на чём играть, на старой болгарской балалайке, — добавил он, смотря, куда -то вправо, наверное выскивая очередного продавца.

Своей странной логикой он удивил меня, что то меняется в голове, когда натягиваешь несвойственную тебе одежду, но думать об этом не хотелось. Мы посмеялись, посоветовали прекращать обувной бизнес и пошли своей дорогой, не зная, что сами скоро окажемся в роли добычи.

А всё начиналось с барахолки, не менее достопримечательного места Владивостока.

«Балка» находилась на «Луговой», куда приводили разные дороги и трамвайные маршруты. Японские автомобили были редкостью, что такое пробки, люди и понятия не имели, но в воскресенье все пространство от Трамвайной улицы до Горной, было залито людьми и машинами. Здесь всё продавалась и покупалась, китайские челноки с одноразовыми товарами встречались редко, больше было корейцев, прочно обосновавшихся в овощных рядах, ну и конечно моряков и рыбаков, посетивших загнивающие капстраны. Осо-

бым спросом пользовались сингапурские майки, японские магнитофоны, кроссовки и конечно джинсы. Это не литовское дерьмо типа «Мильтонс», за которым выстраивались очереди в универмагах, а настоящие американские джинсы, изрядно потолкавшись, мы с Гансом долго рассматривали это заграничное чудо в фирменном пакете, но цена в 120—150 рублей казалась очень далёкой.

Я не следил за модой, скорее инстинктивно чувствовал её, когда многие носили клёш и заказывали в модельных мастерских туфли на высокой платформе, я купил остроносые ботинки с небольшим каблуком на тонкой подошве и ходил в строгом костюме. Через полгода так одевалась продвинутая молодёжь Владивостока, добавляя к костюму очень тонкий галстук и выбривая виски.

Ганс одевался своеобразно, редко носил стандартные вещи, пиджак только с брюками другого цвета, если требовался галстук, то одевал бабочку.

В чём то мы были похожи: воспитывали нас матери без отцов, я неплохо играл в футбол и разыгрывал в волейболе, но всё забросил из-за частых переездов. Ганс бросил бокс и гимнастику, хотя мог добиться хороших результатов, у нас почти полностью отсутствовал музыкальный слух, что мы неоднократно доказывали, горланя, что то на вечеринках, любили группу «Pink Floyd» и не любили лишние вопросы и дешёвое панибратство.

Но Андрей обладал удивительным качеством, он ничего

не боялся, вернее всегда мог победить свой страх.

Зимой после новогодних праздников, мы засиделись в общепите и уже собирались уходить, когда в коридоре раздались страшные удары и вопли, я вышел из комнаты и оцепенел от ужаса. В мою сторону двигался Федя Фирсов, размахивая здоровенными кулаками, сметая со стен плакаты и горшки с цветами, он барабанил в дверь, орал как раненый Кинг-Конг и двигался дальше. Четверокурсника Фёдора Фирсова знали все, он висел на доске почёта как отличник и призёр многих соревнований по десятиборью. Но, когда этот вундеркинд с плечами мамонта напивался, лучше быть в другом месте. Он никого не узнавал – поэтому никто и не вмешивался, даже комендант, закрывали двери и ждали, когда Федя, разбив, всё что возникало на его пути, спокойно засыпал в каком-нибудь углу, тащили в кровать, а утром он ничего не помнил и сожалел, если причинил кому то увечья.

Пока я стоял и соображал, что же делать, Ганс двинулся в его сторону, Федя стеклянными глазами обнаружил цель и нанёс мощный удар, Андрей уклонился и коротко ударил с левой руки, а потом со всей силы с правой и... Федя упал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.